

Когда Хань Хэн дошёл до дворика, где разместили массовку, наставница как раз разучивала с ними простейшие танцевальные шаги.

Хань Хэн поднялся на высокий помост и не спешил спускаться. Под мерные указания женщины актёры, прошедшие три этапа строгого отбора, уже вполне уверенно кружились в пируэтах.

Иих выстроили по росту, так что Хань Хэн без труда отыскал взглядом ряд, где стояли юноши примерно того же сложения, что и замеченный им недавно беглец.

В своей прошлой, современной жизни Хань Хэн годами крутился в шоу-бизнесе, ведя непрестанную борьбу за место под солнцем среди толп смазливых конкурентов. Он научился запоминать лица и фигуры людей с точностью объектива.

Поэтому среди десятка мужчин разного возраста, стоявших в этой шеренге, он мгновенно выделил троих наиболее подходящих под описание.

— Руки в стороны! Правая ладонь смотрит вверх, левой ногой делаем полшага влево, переносим вес на правую и поворот! — звонкий, но мягкий голос наставницы разносился по всему двору.

Хань Хэн сосредоточенно разглядывал троицу. Лиц было не разобрать, поэтому он сосредоточился на фигурах со спины, пытаясь воскресить в памяти хрупкий силуэт, который видел всего несколько часов назад.

Вдруг в поле его зрения попала рука, плотно обмотанная бинтами. Хань Хэн внутренне подобрался. Он внимательно изучил правую кисть этого парня, а затем сравнил её с руками двух других кандидатов — те были совершенно целы.

Спустившись с помоста, Хань Хэн неторопливо направился к танцорам.

Заметив его приближение, наставница на миг растерлась, но Хань Хэн едва заметным жестом показал ей продолжать. Танцоры не остановились.

Он встал рядом с женщиной. Без её команды никто не смел прервать движение: эти бедняки, перебивавшиеся случайными заработками на улицах столицы, смертельно боялись потерять столь редкую, сытную и щедрую работу.

Хань Хэн скользил спокойным, изучающим взглядом по рядам, пока наконец ненавязчиво не задержался на лице того самого парня с перебинтованной рукой.

Измощённое, худощавое лицо с неестественно огромными глазами делало юношу похожим на пришельца. Впрочем, если присмотреться, в его облике угадывалась своеобразная, хрупкая

красота. Мальчик явно недоедал; пара недель хорошей кухни — и он расцветёт.

«Да ведь это тот самый парень, который вчера громче всех возмущался в толпе, требуя объяснить, почему их не везут в Башню Слушания Лебедей?»

Хань Хэн вспомнил его имя — Гун Кэ. Он мысленно зафиксировал его, но подавать виду не спешил. Стоило понаблюдать за ним и выяснить, что этот проныра замышляет.

Затем Хань Хэн перевёл взгляд дальше. В каждом ряду стояло ровно по пятьдесят человек. Рядов было шестьдесят, но в самом конце последнего сиротливо пристроился один лишний юноша. Однако именно этот одинокий «хвост» двигался изящнее и благороднее всех остальных.

Проще говоря, среди толпы любителей затесался настоящий мастер.

Хань Хэн понаблюдал за ним ещё немного и негромко спросил наставницу:

— Кто этот юноша в самом конце?

Женщина почтительно опустила голову. Ей шёл тридцатый год, танцам она училась с семи лет, но, несмотря на выдающийся талант, из-за низкого сословия к ней никогда прежде не относились как к человеку. И уж точно никто из господ не спрашивал её мнения по поводу костюмов или постановок.

Однако здесь, в саду Сюэ, к ней проявили неслыханное уважение. Господин Хань лично распорядился, чтобы все в усадьбе величали её и её помощниц не иначе как «уважаемыми наставницами».

— Он пришёл сегодня рано утром, — тихо ответила она. — Опоздал, конечно, но его пластика и мастерство превосходят всех остальных на голову. Я подумала... может, стоит сделать его ведущим танцором?

Хань Хэн промолчал, продолжая следить за движениями незнакомца. То, как тот прогибался и вытягивал руки, заставляло воображение без труда угадывать под складками широкого, тяжёлого халата очертания гибкого, соблазнительного тела. И это тело определённо принадлежало не простому человеку.

— Но мы ведь уже утвердили двоих ведущих?

— Господин, взгляните на его лицо.

Повинуясь мягкой просьбе наставницы, Хань Хэн лениво скользнул взглядом по лицу юноши. И

в то же мгновение его сердце пропустило удар. Изыящные, почти безупречные черты лица показались ему до боли знакомыми.

Нет, он видел его не единожды. Этот образ являлся ему дважды, причем во второй раз — на самой грани жизни и смерти. Тот портрет врезался в его память, выжженный на самой глубине души.

— Как его зовут? — спросил Хань Хэн, слегка побледнев.

В груди внезапно полыхнуло то самое удушье, которое едва не погубило его, когда он тонул.

— Вот уж совпадение: он тоже из рода Хань. Зовут Хань Фэн. С его слов, он приходится вам каким-то дальним родственником.

Голос наставницы доносился до Хань Хэна словно сквозь слой воды. В этот момент юноша, завершив очередной пируэт, замер и посмотрел прямо на него. Их взгляды встретились.

Из Хань Хэна словно вышибло воздух. По спине пробежал ледяной озноб.

Страх? Нет. Скорее, это было инстинктивное отвращение самой плоти — тело, едва оправившееся от пережитой некогда гибели, содрогнулось от непреодолимой гадливости, так что к горлу подступила тошнота.

С трудом подавив спазм в груди, Хань Хэн хрипло произнёс:

— Когда тренировка закончится, приведи его ко мне.

К моменту, когда Хань Фэна привели в кабинет, Хань Хэн как раз перерисовывал схему построения танцоров. Если добавить ведущего солиста, то на треугольной площадке у озера Омовения Бессмертных можно будет выстроить куда более эффектную и величественную фигуру.

Хань Хэн сделал последний штрих. Его пальцы были испачканы чернилами — он так и не привык к капризным волосяным кистям, вечно пачкая руки.

Заметив, как Хань Хэн небрежно вытер ладонь о край своего халата, Хань Фэн едва заметно и язвительно прищурился. Впрочем, он тут же опустил голову, вновь принимая образ робкого, забитого мальчишки, который от смущения не знает, куда деть собственные руки.

Хань Хэн заговорил без лишних предисловий:

— Ты пришёл только сегодня. Наставница говорит, что ты мой дальний родственник. У меня к тебе несколько вопросов. Не бойся, отвечай честно. Если всё подтвердится, я разрешу тебе остаться. Более того, с твоим талантом ты сможешь стать ведущим солистом в этом выступлении.

Хань Фэн стоял, понунив голову. Его кожа была бледной, а тонкая шея, выступавшая из-под воротника, казалась настолько изящной и хрупкой, словно могла сломаться от малейшего прикосновения.

Даже когда он просто молчал, от всей его фигуры исходило какое-то странное, почти порочное очарование.

— Моя матушка... она говорила, что была приёмной дочерью в доме вашего отца. Получается, ваш батюшка приходился ей старшим братом, — голос Хань Фэна звучал тихо, с робкой оглядкой, словно он до смерти боялся разгневать собеседника.

— Вот как. И сколько же тебе лет?

— Мне... — Хань Фэн робко вскинул на Хань Хэна огромные влажные глаза, но тут же испуганно отвёл взгляд и принялся судорожно теревать подол своего поношенного халата. — Семнадцать, господин.

— Где вы жили раньше? Почему ты пришёл ко мне только сейчас, и где твоя мать?

— Раньше мы с матушкой постоянно скитались, у нас не было своего угла. Отец ушёл из жизни рано, и мы... мы переезжали с места на место, нигде не задерживаясь надолго, — Хань Фэн украдкой поглядывал на Хань Хэна, пытаясь угадать его реакцию. Пальцы юноши сжались сильнее, так что побелели костяшки. — Полгода назад матушка преставилась. Я пришёл в столицу, чтобы разыскать дядю, но узнал, что его... его больше нет.

Глаза юноши подозрительно заблестели от слёз.

У Хань Хэна слегка заныли виски от этого зрелища. Этот мальчишка плакал так красиво и трогательно, словно плакучая ива под дождём. Хань Хэн невольно коснулся маски на лице, проверяя, плотно ли она сидит. С такой нежной душевной организацией этот родственничек зальётся горячими слезами, едва увидит его уродство.

— И как же ты выживал эти полгода? Всё время пробыл в столице? — терпеливо продолжил расспросы Хань Хэн.

— В...

Из коридора донеслись шаги. Хань Хэн сразу узнал эту бесцеремонную, хозяйскую походку. Только один человек в усадьбе мог заявляться к нему без стука и предупреждения — Чжуан Лин.

Хань Фэн судорожно сжал в кулаках поношенную ткань халата и, обиженно всхлипнув, прошептал:

— В... в весёлом доме «Ивовые ветви»... Господин Ли... господин Ли содержал меня больше полугода.

Хань Хэн на секунду завис, переваривая услышанное, пока до него наконец не дошёл смысл сказанного.

Надо же, едва добравшись до столицы, его новоявленный «кузен» тут же попал на содержание к какому-то чиновнику. Но, судя по всему, покровитель оказался прижимистым, раз мальчишке пришлось искать приюта у родственников.

В этот момент дверь распахнулась.

В кабинет с мрачным лицом вошёл Чжуан Лин. Он даже не взглянул на стоявшего на коленях юношу и сухо скомандовал:

— Цзячу, уведи его.

Хань Хэн резко поднялся из-за стола:

— погоди, я ещё не закончил...

Договорить он не успел. Чжуан Лин бесцеремонно схватил его за предплечье и поволок за собой в личные покои.

Из-за закрывающейся двери донёсся тихий щелчок — Цзячу без лишних слов увёл Хань Фэна.

— Принимаешь у себя всякий сброд, — раздражённо бросил Чжуан Лин, с лёгкостью прижав Хань Хэна к краю постели и властно перехватив его за подбородок, вынуждая смотреть прямо на себя. — Похоже, ты совсем забыл мои предостережения.

Хань Хэн обожал Чжуан Лина в моменты ярости. Его обычно холодное, безупречно красивое лицо сейчас казалось невероятно живым и выразительным. Слово «прекрасен» подходило ему

как нельзя лучше.

Впрочем, внешне Хань Хэн остался холоден и лишь недовольно нахмурился:

— Я допрашивал человека. Мог бы проявить каплю терпения и не врываться ко мне без спроса.

Чжуан Лин опасно прищурился, нависая над ним всем телом. В его глазах, обычно глубоких и тёмных, сейчас вспыхнули опасные искры.

— Похоже, в последнее время ты совсем перестал меня бояться? — его низкий, хрипловатый голос вибрировал от сдерживаемого напряжения.

— А чего мне тебя бояться? — Хань Хэн насмешливо вскинул брови. — Раньше я боялся, что ты пришибёшь меня при первой же размолвке. А теперь... теперь ты меня не убьёшь. Тебе жалко.

С этими словами Хань Хэн дерзко притянул его к себе за воротник и без тени смущения впился в его губы поцелуем.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Чжуан Лин тяжело дышал. Он сердито вытер губы тыльной стороной ладони и глухо проворчал:

— Раньше ты так себя не вёл.

В глазах Хань Хэна на мгновение мелькнула тень, но тут же сменилась лукавой улыбкой:

— И какой же я тебе нравится больше — прежний или нынешний?

За внешним спокойствием скрывалось едва заметное напряжение — всё его тело невольно подобралось.

— Любой, — без колебаний выдохнул Чжуан Лин, притягивая его к себе для нового, сокрушительного поцелуя.

Когда они наконец отпрянули друг от друга, губы Хань Хэна припухли.

— Мог бы быть и понежнее, — недовольно протянул он.

— Сам виноват... — прохрипел Чжуан Лин, — слишком уж ты манящий. Не будь это ты, я бы в жизни не посмотрел на мужчину.

С этими словами он, то ли случайно, то ли намеренно, плотно прижался к бедру Хань Хэна своим затвердевшим естеством.

Хань Хэн лишь многозначительно усмехнулся. Он прекрасно видел, что, несмотря на очевидное вожделение, Чжуан Лин всё ещё испытывал некоторую неловкость перед близостью — каждое прикосновение заставляло его тело каменеть от напряжения.

Ленивым жестом Хань Хэн погладил его по затылку:

— Сейчас не время. Надеюсь, ты грозен не только с виду.

Эта явная шпилька заставила Чжуан Лина мгновенно вспыхнуть от прилива крови к лицу. Он рванулся, чтобы поймать наглеца и проучить новым поцелуем, но Хань Хэн, извернувшись словно скользкая рыба, уже выскользнул из его объятий и поднялся на ноги.

Поправив подол халата и затянув потуже пояс, Хань Хэн посмотрел на него свысока, и в его взгляде читалась непоколебимая уверенность:

— Тебе лучше навсегда забыть прежнего меня. Я не собираюсь быть чьей-то тенью. Даже тенью самого себя.

Юный принц Чжуан на мгновение замер. В его груди жаркой волной вспыхнул дикий, первобытный азарт охотника. С самой первой их встречи — от холодного, отрешённого от мира государственного наставника до этого дерзкого, уверенного в себе мужчины перед ним — он раз за разом попадал под его очарование, незаметно теряя контроль над ситуацией.

Желваки на лице Чжуан Лина заходили ходуном. Ему пришлось признать горькую истину: добыча, которую он считал своей, вела собственную игру, и теперь он сам незаметно превратился в дичь. Очевидный вызов, брошенный юношей, не оставлял в этом сомнений.

Оставшись в пустой комнате, Чжуан Лин в сердцах ударил кулаком по постели и глухо позвал:

— Цзячу! Ивэй! Лично ко мне.

<http://bllate.org/book/20487/2213937>